

Из своей «дворницкой», расположенной в пересохшем водоканале под набережной за прутьями железной решётки, татарин Муса заметил на пляже озабоченного человека, который что-то искал в песке. Солнце уже скатилось за крепостную гору, и отдыхающих на пляже почти не было. Мусе стало любопытно, и он подошёл к мужику:

– А что ты здесь ищешь?

– Да вот загорал сегодня на пляже и где-то на этом месте посеял стогривенную купюру. Видно, выпала из штанов, когда раздевался, а я, не заметив её, в песок затоптал. Ладно, пожалуй, пойду, а то уже стемнело.

Ночью Муса, взяв совок и фонарик, пошёл на то место, где днём вёл поиск мужик из Сибири.

А в это время по набережной проходили двое представителей органов правопорядка. Петро толкнул в плечо своего напарника:

– Василь, подывись-ка на пляж.

Василь повернул голову и заметил в кромешной темноте луч фонаря. Он освещал пяточок песка, в котором кто-то рылся. За спиной неизвестного шумело Чёрное море. Так же тревожно забилось сердце Василя:

– Террорист. Закладывает бомбу, чтобы завтра шарахнуть отдыхающих. А ну за мной.

Василь бесстрашно перепрыгнул оградку набережной и удачно приземлился в песок. Петру повезло меньше. Свалившись с трехметровой высоты, он подвернул ногу и несколько замешкался. В это время Василь подбежал к злоумышленнику и гаркнул:

– Ты кто такой и что здесь шукаешь?

У Мусы от страха выпал из рук фонарик, который и подобрал Василь, осветив им старого татарина.

– Дворник я пляжный, Муса. Собираю окурки, мусор. Отдыхающие гадят где попало.

– Что-то я не вижу мешка с окурками, а ну поехали в отделение, там разберёмся. Петро, вызывай машину!

Кривясь от боли в ноге, Петро достал мобильник.

Рано утром Мусу отпустили, чтобы он занялся своим делом. А дело его собирать мусор, а не заниматься кладои-скательством.

На пляже уже лежали и сидели люди. На том месте, где Мусу взяли, сидел упитанный отдыхающий и попивал пиво, закусывая таранькой. Рядом лежала его оголённая жена.

– Не кайфовал бы ты сейчас, Исай, если бы не твоя Ципа. Не думала я, роя ямку в песке, чтобы охладить горячие груди, что к ним прилипнет бумажка. Да ещё какая! Стогривенная купюра.

– Ты у меня везучая, Ципа.

Муса, услышавший это, только плюнул с горя и побрёл вдоль моря собирать пустые бутылки.

